

Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki 1983
(MSFOu 185). 281 c.

Столетие Финно-угорского общества (см. СФУ XIX 1983, 282—284) было отмечено проведением в Хельсинки в ноябре 1983 г. представительного международного симпозиума по теме «Связи уральских языков с другими языковыми общностями». Материалы симпозиума — 17 докладов — изданы под редакцией Ю. Янхунена, А. Перянийтто и С. Сухонена в серии общества MSFOu. В докладах охвачен широкий круг вопросов, касающихся как лингвистических свидетельств, так и этноисторического фона внешних связей уральских языков.

Р. Аустерлиц («Генетическая аффилиация между праязыками») в наиболее общем, чисто теоретическом плане обсуждает проблему моногенеза языков и отдельно — вне зависимости от решения дилеммы моногенез vs. полигенез — проблему происхождения сходств между праязыками различных семей. Главным препятствием к принятию гипотез генетического родства уральских языков с индоевропейскими, дравидийскими, алтайскими, юкагирским, эскалеутскими и некоторыми другими языками он считает свойство транзитивности у отношения языкового родства. В силу этого свойства из принятия, скажем, гипотез урало-чукотско-камчатского, индоуральского и картвело-индоевропейского родства вытекает наличие родства между картвельскими и чукотско-камчатскими языками, а это представляется Р. Аустерлицу абсурдом. В качестве альтернативы рассматривается возможность «аффилиации» праязыков — возникновения структурных и материальных сходств при различных моделях взаимодействия языковых сообществ доисторической эпохи. В целом изложенная в докладе концепция «аффилиации» мало чем отличается от концепций «смешения», «сродства», «конвергенции» праязыков, или же «аллогенетической связи» (Г. В. Церетели), «квизиродственной (родственнообразной) связи» (rokonságszerű kapcsolatok; Р. Hajdú, Preuráli nyelvi kapcsolatok. — Magyar őstörténeti tanulmányok, Budapest 1977, 157—165), «языковых циклов» (А. Erhart) и др. Все эти концепции предполагают, что классическая для компаративистики модель дивер-

гентного развития от общего праязыка к языкам-потомкам неприменима к языковым сообществам первобытной эпохи, когда развитие языков шло путями диффузии и конвергенции. Поскольку в последние годы такие взгляды высказываются особенно часто, прежде всего в противовес теории ностратического родства, было бы целесообразно перейти от умозрительных построений к их эмпирическому обоснованию. Можно ли, например, утверждать, что у племен, находящихся на самых низших ступенях социального развития — например, австралийских — языковое развитие осуществляется так, как предполагают Р. Аустерлиц и его единомышленники?

Скептическое отношение к гипотезам генетического родства между уральской и другими языковыми семьями характерно также для ряда венгерских коллег, участвующих в подготовке фундаментального «Уральского этимологического словаря». Их точка зрения отражена докладами К. Реден и А. Рона-Таша. Работа А. Рона-Таша «De hypothesi Uralo-Altica», посвященная памяти Б. Коллиндера, по названию и рассматриваемому материалу связана со статьей последнего «Pro hypothesi Uralo-Altica» (MSFOu 158, 1977, с. 67—73). В отличие от Б. Коллиндера, автор не признает корпус сходжений между уральскими и алтайскими языками достаточным для констатации их родства. Разбирая ряд конкретных сопоставлений и трактуя все их проблематичные аспекты в негативном ключе, он, приходит к выводу, что сходства должны объясняться заимствованиями или просто случайностью.

Иную позицию занимает Н. Поппе («Урало-алтайское родство»). Опираясь рядом лексических сопоставлений, в основном почерпнутых из исследований М. Рясина и Б. Коллиндера, он показывает существование регулярных соответствий между уральскими и алтайскими формами (в частности, для анлаутных *š, *s, *n, *p); возможность построения полной сравнительной фонологии является, по его мнению, свидетельством того, что рассматриваемые праязыки восходят к общему источнику.

И. Футаки в докладе «Вопрос об

урало-тунгусских языковых связях» констатирует, что благодаря наличию таких бесспорных параллелей, как ур. **suksz* 'лыжи' ~ тунг. **suksz* и ф.-у. **šinjere* 'мышь' ~ тунг. **šinere*, существование контактов между уральским и тунгусским праязыками не вызывает сомнений. С этим хорошо согласуются современные концепции прародин уральцев (по крайней мере отчасти к востоку от Урала) и тунгусов (область неолитической культуры Прибайкалья и Забайкалья): многие археологические материалы указывают на древнейшие тесные связи между пешими таежными охотниками — носителями культур, распространенных в соответствующих регионах. Но анализ конкретных заимствований часто затруднен, так как дело не ограничивается контактами между праязыками: по И. Фуtaki, тунгусские параллели обнаруживаются и в более поздних лексических слоях — финно-угорском, самодийском, угорском, правенгерском, пермско-обско-угорском, обско-угорском, южносамодийском, северносамодийском, хантыйском. Особенности различных слоев контактной лексики (и трудности их разграничения) иллюстрируются в докладе рядом новых этимологических сближений:

ур. **ñāca* 'трава' ~ тунг. **ñāza*^v; ур. **tuktz* 'перекладина в лодке' ~ тунг. **takta* 'борт лодки'; сам. **sumā*/**simā*- 'тихо' ~ тунг. **simsz*; сам. **tēm*- 'купить' ~ тунг. **tama*- 'платить' и др.

Основную часть исследования К. Реден «Древнейшие индоевропейские заимствования уральских языков» занимает этимологический указатель, включающий 42 наиболее надежные индоуральские этимологии, для которых можно предполагать уральскую (7 случаев), финно-угорскую (18 случаев), финно-пермскую или финно-волжскую (17 случаев) древность. Градации между этими группами в известной мере условны, так как группировка основана не на фонетических и других критериях, а на распространенности отдельных слов (тогда как слова, засвидетельствованные только в финно-пермских языках, могли в действительности быть заимствованы в финно-угорский период, но утрачены в угорском и т. д.). Из 42 этимологий 41 входит в корпус этимологий, собранных в монографии А. И. Йоки «Uralier und Indogermanen» (MSFOu 151, 1973). По-

следний включает 222 этимологии; по-видимому, даже при тех строгих критериях «отсева», которые использует К. Реден (исключаются слова, представленные только в отдельных языках или языковых группах; слова, представленные в разных языковых группах, но могущие быть сепаратными заимствованиями — ср. № 8, 59, 62, 80, 109, 157 у А. И. Йоки; слова, в отношении которых А. И. Йоки высказывает сомнения — ср. № 50, 65, 68, 71, 81, 84, 85, 100, 110, 111, 155, 165, 185, 218; сопоставления местоименных основ — ср. № 55, 63, 160, 179), следовало бы учесть довольно надежные индоевропейские соответствия для таких слов, как ф.-у. **ertā* 'сторона', ур. **kälū* 'свойственница', финно-волж. **wasa* 'теленок' (№ 18, 53, 197). Касаясь пространственно-временной локализации контактов, К. Реден скептически оценивает западносибирско-приуральскую локализацию прародины уральцев (П. Хайду); по его мнению, целесообразно считать древнейшие индоевропейцы наследием контактов уральского (позже финно-угорского) населения лесной зоны Восточной Европы с индоевропейцами (позже иранцами, иранцами) — носителями курганной культуры IV—III тыс. до н. э. в восточноевропейских степях. К теории индоуральского родства автор относится отрицательно, считая, в частности, сходства в сфере морфологии случайным совпадением, а сходства в системах местоимений — проявлением звукового символизма. Но обращает на себя внимание, что наиболее архаичный слой выделяемых К. Реден индоуральских соответствий оказывается представлен не культурной лексикой, а элементарными понятиями ('дать', 'мыть', 'имя', 'жила', 'принести', 'вода'). Такие соответствия естественно считать наследием родства, а не результатом заимствования. Замечу также, что при отказе от трактовки перечисленных слов как заимствований снимаются и возражения К. Реден против локализации уральской прародины на большом удалении от прародины индоевропейцев.

В докладе П. Алвре «О русских заимствованиях среди союзов уральских языков» обобщены в словарной форме данные о союзах русского происхождения, употребляемых в уральских языках. Сравнение показывает, что особенно широко эти заимствования представлены в прибалтийско-

финских, в наименьшей мере — в само-
дидийских и обско-угорских языках: налицо
несомненная взаимосвязь со степенью раз-
рушения, *gesp.* сохранения архаичных об-
щеуральских синтаксических моделей.

К. Майтинская («Заемствованные слу-
жебные слова в финно-угорских языках»)
использует материал своей монографии
«Служебные слова в финно-угорских язы-
ках» (Москва 1982) для выделения общих
или даже универсальных закономерностей,
действующих при заимствовании в финно-
угорские языки послелогов/предлогов, час-
тиц и союзов из русского, других индо-
европейских, тюркских, а также из сосед-
них финно-угорских языков. Отмечается, в
частности, что — вопреки общеизвестному
принципу сопротивления парадигматиче-
ского словоизменения иноязычному влия-
нию — финно-угорские языки проявляют
значительную склонность к заимствованию
формоизменяемых частиц (типа рус.
бы, самый). Мнение К. Майтинской об от-
сутствии в финно-угорском праязыке
послелогов и противоположное утвержде-
ние, высказывавшееся рядом других спе-
циалистов, могут быть, как кажется, в из-
вестной мере примирены между собой,
если учесть, что, как пишет автор, «уже в
финно-угорском языке-основе слова под-
ходящей семантики — особенно слова
обобщенно-пространственного значения —
использовались в синтаксической функции
послелогов» (с. 181). Ну, а как квалифи-
цировать сочетания имен пространствен-
ного значения с аффиксами местных паде-
жей — как формы именной парадигмы или
как послелоги — это, пожалуй, вопрос ско-
рее терминологии, нежели реконструкции
(дилеммы такого рода могут возникать и
при описании современных языков).

Доклад Т.-Р. Вийтсо «Прибалтийские
финны: расселение на современной терри-
тории и наиболее ранние контакты» — ост-
орожная, но достаточно радикальная по-
пытка пересмотра концепции прибалтий-
ско-финского этногенеза, принятой боль-
шинством эстонских и рядом финских ис-
следователей. Уместно вспомнить, что еще
несколько лет назад Т.-Р. Вийтсо, возра-
жая против некоторых положений диссер-
тации рецензента, указывал: «Предки при-
балтийских финнов прибыли в Прибал-
тику в середине III тыс. до н. э. (... к
концу того же тысячелетия прибыли уже
носители культуры ладьевидных топоров,

которых обычно считают балтами).
... Эстонские финно-угроведы не считают
мыслимым существование прафинно-
угорского языка еще в III тыс. до н. э.»
(Т.-Р. Viiitso, [Рец. на] Е. А. Хелим-
ский, Древнейшие угорско-самоидийские
языковые связи. (Анализ некоторых аспек-
тов генетических и ареальных взаимо-
отношений между уральскими языками.)
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук, Москва
1978. — СФУ XVI 1980, с. 238). Ныне он —
вполне справедливо — придает решающее
значение тому обстоятельству, что в бал-
тийских языках не обнаруживается ника-
ких прибалтийско-финских заимствований,
связанных с морем; напротив, в прибал-
тийско-финском присутствуют такие бал-
тизмы, как эст. *meri* 'море', *lõhi* 'лосось',
Väina 'Зап. Двина', *Koiva* 'Гауя'. Это
«позволяет считать, что балты прибыли в
Прибалтику скорее до, чем после прибал-
тийских финнов» (с. 274). На основе ука-
занного и ряда других аргументов
Т.-Р. Вийтсо связывает прибалтийско-фин-
ский этногенез с племенами текстильной
керамики (в Прибалтике со II тыс. до
н. э.), владевшими зачатками земледелия;
более ранние племена типичной гребенча-
той керамики могли стать одним из этни-
ческих компонентов, но не прямыми язы-
ковыми предками прибалтийских финнов.
Приводимая в докладе аргументация в
пользу финно-угорской принадлежности
племен гребенчатой керамики выглядит до-
вольно зыбкой (что фактически признает
и сам автор). Нельзя ли видеть в них тех
самых загадочных протоевропейцев, кото-
рые оставили субстратный слой в прибал-
тийско-финском, в том числе и среди свя-
занной с морем лексики (с. 269, см. так-
же: Р. Ariste, *Keelekontaktid*, Tallinn
1981, с. 21—23)? Еще одним спорным
пунктом в докладе, который богат факти-
ческим материалом и интерпретациями,
представляется отказ Т.-Р. Вийтсо от рас-
смотрения саамов как нефинно-угров, под-
вергшихся языковой ассимиляции со сто-
роны ранних прибалтийско-финских пле-
мен.

Если Т.-Р. Вийтсо убедительно пока-
зывает несостоятельность гипотезы о том,
что племена типичной гребенчатой кера-
мики были прямыми языковыми предками
прибалтийских финнов и что, соответст-
венно, последние появились в Прибалтике

более 5 тыс. лет назад, то И. Койвулехто, напротив, кладет именно эту гипотезу в основу своих чрезвычайно смелых этимологических построений. В докладе «С какого времени жили протофинны в Прибалтике? К относительной и абсолютной хронологии древних слоев индоевропейских заимствований в прибалтийско-финском» он идет принципиально новым путем, предполагая, что в число древнейших индоевропеизмов входят не только и не столько (прото)индо-иранские заимствования, сколько заимствования из чрезвычайно ранних протогерманских и протобалтийских диалектов. Традиционная точка зрения относит начало балтийских и германских контактов прибалтийско-финских племен к середине I тыс. до н. э. и рубежу н. э. соответственно. Углубляя датировку на 2—3 тысячелетия, Й. Койвулехто допускает возможность отражения в заимствованиях весьма ранних фонетических черт (ларингалы, сохранение палатализованных гуттуральных в протогерманском), а также той индоевропейской лексики, которая впоследствии была в балтийском и германском утрачена. Вот некоторые этимологии, иллюстрирующие это допущение: фин. *susi* 'волк' через серию гипотетических промежуточных этапов выводится из индоевроп.-протогерм. **kuṇtō* (герм. **χunda-*) 'собака', фин. *pohta-* 'веять зерно' — из индоевроп.-протогерм. **rouneio-* (герм. **fauja-*) 'просеивать зерно'. Объем рецензии не позволяет вдаваться в разбор этих этимологий; во всяком случае, создается впечатление, что известные законы фонетического развития от финно-угорского к прибалтийско-финскому состоянию на них не распространялись.

Т. Шёлд («К вопросу о происхождении древних германских заимствований в финском языке») для трех финских слов — *kuningas* 'король', *kunnia* 'честь', *saippua* 'мыло' — показывает, что разумнее видеть в них заимствования из древнезападногерманского, где эти лексемы имеют точные соответствия, чем из древнескандинавского или готского, где они имеют иной фонетический облик или вообще не засвидетельствованы. Культурно-исторической предпосылкой проникновения этих слов могло быть создание древнезападногерманцами торговых факторий или даже завоевание ими небольших областей

на побережье Финляндии и/или Эстонии.

А. Д. Килстра в исследовании «Скандинавско-саамские параллели» анализирует распространение в германских и финно-угорских языках некоторых явлений диахронической и синхронической фонетики — метафонии умлаутного происхождения (она рассматривается особенно подробно), преаспирации, преокклюзива, ассимиляции типа *tr > rr*. Совокупность этих явлений характерна из германских языков для западноскандинавского (в меньшей мере для восточноскандинавского), из финно-угорских — для западно-саамского (в меньшей мере для восточно-саамского). Автор склоняется к интерпретации этих общих специфических черт (дополняемых скандинавско-саамскими и западноскандинавско-западносаамскими параллелями других языковых уровней) в терминах языкового союза, причем допускает как взаимные влияния, так и параллельное воздействие на скандинавские и саамские языки общего субстрата — каких-то полностью исчезнувших древних языков Скандинавии, не индоевропейских и не уральских.

Другая, более поздняя по происхождению, скандинавско-саамская параллель рассмотрена в докладе К. Бергсланда «Южносаамская и скандинавская модели долготы». В южносаамских диалектах, как в норвежском и шведском языках, за кратким гласным обязательно следуют гемината или сочетание согласных, ср. саамЮ *bissäv* 'я жарю' при саамН *bâsam*. Описываются история и лингвогеография данного явления.

В докладе М. Адамовича «Чувашский язык в свете теории субстрата» (по замыслу — выявление волжско-финских и удмуртских субстратных влияний в чувашской фонетике) встречаются сомнительные и просто ошибочные утверждения — например, что «в языке волжско-финского субстрата отсутствовал закрытый задний гласный типа тюркского *i*, тогда как волжско-финский *ä* в качественном и количественном отношениях был наиболее близок тюркскому *i*» (с. 15) или что чув. *time* 'мозг' является волжско-финским заимствованием (с. 22). Вызывает недоумение попытка автора связать булгарский «лямбдацизм» с развитием **δ*→*l*, **δ'*→*l* в ряде финно-угорских языков. (В последние годы появились и более основатель-

ные исследования по исторической фонетике чувашского и контактировавших с ним финно-угорских языков).

Г. Берецки («Влияние тюркских языков на венгерский») отмечает, что исследование языковых аспектов тюркско-венгерского (булгарско-венгерского) симбиоза второй половины I тыс. н. э. до сих пор сосредотачивалось почти исключительно на изучении многочисленных тюркских лексических заимствований венгерского языка. Известно, однако, что взаимовлияние двух языков, особенно если оно основано на массовом двуязычии, не ограничивается сферой лексики. Анализируются те структурные явления в венгерском языке, которые предположительно объяснимы тюркским влиянием (многие параллели указываются Г. Берецки впервые). Интересны словообразовательные и семантические кальки: венг. *házas* 'женатый' (от *ház* 'дом') — чув. *avlannâ*, тур. *evli* то же (от *av*, *ev* 'дом'); венг. *féreg* 'червь; дикий зверь' — тюрк. *kurt* с той же нетривиальной полисемией. В области фонетики вместе с тюркскими заимствованиями в венгерском вновь появились согласный *k* перед заднерядными гласными и сочетания носового и смычного согласных, утраченные в ходе предшествовавшего фонетического развития, резко возросло число слов со звонкими согласными в анлауте. Под тюркским влиянием сформировались древневенгерская система из двух синтетических и четырех аналитических прошедших времен глагола, категория потенциальных глаголов и т. д. и т. п. Весьма существенно, что в ряде случаев параллельное тюркское воздействие обусловило вторичное сближение венгерского языка с марийским и удмуртским — их ареальные связи с тюркскими языками Волго-Камья Г. Берецки осветил на столь же богатом и убедительном материале в статье «A Volga-Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai» (*Areális nyelvészeti tanulmányok*, Budapest 1983, с. 207—236).

Б. Кальман («Заимствования в мансийском фольклоре») обобщает количественные данные о различных слоях заимствованной лексики мансийского языка, извлеченные из исследований по иранским (Э. Коренчи), коми-зырянским (К. Редей), татарским (А. Каннисто), ненецким (В. Штейнитц), русским (Б. Кальман) заимствованиям. Далее демонстрируется, что

употребительность слов иноязычного происхождения в мансийском фольклоре тесно скоррелирована с давностью их присутствия в языке.

В докладе «О ранних индоевропейско-самодийских контактах» Ю. Янхунен указывает, что данные археологии позволяют предполагать присутствие в Центральной Азии и Южной Сибири (до Минусинской котловины на востоке) индоевропейского населения в течение всего периода с середины III по конец I тыс. до н. э. (афанасьевский, андроновский, карасукский, тагарский периоды в археологической истории региона). Это могли быть прежде всего прототохары, позднее древнеиранские племена, а также, возможно, иные, впоследствии исчезнувшие группы индоевропейцев. В этой ситуации вполне правдоподобна возможность проникновения некоторого (ограниченного) числа тохарских и иранских заимствований в самодийский праязык — язык населения южной части таежной зоны Западной Сибири. Используются и частично реинтерпретируются предложенные ранее этимологией Ю. Янхунен указывает шесть предположительных индоевропейских заимствований прасамодийской эпохи: **sejtzwê* (< **sejptâ*) 'семь' (тох. А *špät* : *šäptä*); **wesä* 'металл, железо' (тох. А *wäs*, В *yasa* 'золото'); **wârkê* 'медведь' (авест. *vâhrka- /urka-*, хот.-сакск. *birga* 'волк'); **pulê* / **pilê* 'мост' (ср.-перс. *puhl*); **jaê* 'мука' (авест. *yava-* 'зерно'); **täjkâ* 'копье' (авест. *taêya- /tajga-* 'острие'). Полностью соглашаясь с выводами автора — и с его оценкой приведенных этимологий, особенно тохарско-самодийских, как гипотетичных, — я рискнул бы добавить в перечень еще два возможных тохаризма: сев.-сам. **mâñkê* 'нужда', отраженное в нен. *mañg*, эн. *mago-ði*, нган. *mêñkê* (тох. А *mañk*, В *meñki*) и сельк. *ôkâl* 'приучаться, привыкать' (тох. АВ *âkl-* 'учиться'; впрочем, о селькупском слове допустимо думать, вслед за Т. М. Филипповой, и как о тюркском заимствовании, ср. др.-тюрк. *uqil*, *uqul* 'пониматься, уразумеваться').

П. Хайду в исследовании «Ненецкие *puda* 'он', *pudar* 'ты' и связанные с ними слова» показывает уязвимость традиционной этимологии, связывающей эти местоимения с нен. *piçid / puçud / pid* 'туловище,

тело'. По предположению автора, *puda* представляет собой опосредованное — через энецкий язык — заимствование кетского *bu* 'он' с добавлением *-da* (Px3Sg), а *pudar* образовано от *puda* с помощью *-r* (Px2Sg). Представляется, что проблематичности не лишена и эта новая этимология: в частности, более естественно было бы ожидать субституцию эн. *b-* не через нен. *p-*, а через *w-* (как в случае с родовым названием *Waj* из эн. *Bae*, эвенк. *Baja*; см. Е. А. Хелимский, Этимологические заметки по энецкой ономастике. — СФУ XVII 1981, с. 124).

Выбор темы для юбилейного симпозиума подчеркнул важность традиционной в уралистике проблематики — изучения внешних связей уральских языков. И выбор этот оказался в высшей степени удачным. Это убедительно демонстрируют опубликованные доклады, в одних случаях подводящие весомые итоги исследований, в других же остро полемические и открывающие перед нами традиционные проблемы во все новых и новых ракурсах.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen.
Herausgegeben von Péter Hajdú und László Honti, Budapest,
Akadémiai Kiadó, 1984 (Bibliotheca Uralica 7). 331 S.

Wie aus dem Vorwort von Péter Hajdú zu entnehmen ist, enthält der vorliegende Band Vorträge des II. Phonologischen Symposions Uralischer Sprachen, das vom 1.—4. Oktober 1979 in Mátrafüred (Ungarn) stattfand. Unter den 31 Abhandlungen finden sich neben vorgetragenen und nichtvorgetragenen Referaten, auch schriftlich eingesandte Diskussionsbeiträge.

E. A. Helimski untersucht in «Phonological and Morphological Properties of Quantity in Samoyed» die Quantität der Vokale im Tundra-Enzischen, Nganassanischen, Taz-Selkupischen und Nenzischen. Im Tundra-Enzischen stellt er drei phonetische und gleichzeitig distinktive Quantitäten fest: kurz, lang, überlang, von denen die letzte durch den Zusammenschluß zu verschiedenen Morphemen gehörender qualitativ gleicher Vokale bedingt ist, d. h. der überlange Vokal \hat{V} geht auf die Sequenzen $V\bar{V}$ oder $\bar{V}V$ zurück. Nach Helimskis Ansicht repräsentiert der lange Vokal zwei und der überlange Vokal drei Sequenzen gleicher Phoneme. Auch im Nganassanischen hält es Helimski für möglich, die langen Vokale als Sequenzen zweier Vokalphoneme zu werten. Bei den zwei Argumenten für diese Entscheidung ist das interessant, daß «der Akzent auf die vorletzte Mora fällt, sogar wenn diese Mora den Teil eines langen Vokals bildet» (S. 15): im letzten Fall scheint «der lange Vokal» sowohl phonologisch als auch

phonetisch, die Sequenz gleicher zu zwei verschiedenen Silben gehörender Vokale zu sein; am Vorhandensein von Sequenzen zweier oder dreier gleicher Phoneme in ein und derselben Silbe zweifle ich. Im Taz-Selkupischen unterscheidet Helimski auch kurze und lange Vokalphoneme, der Grund für diese Unterscheidung ist der Wechsel der langen und kurzen Vokale. Die Hauptquelle nenzischer Angaben — das Wörterbuch von T. Lehtisalo — widerspiegelt nach Helimskis Meinung nicht richtig die Quantität: im Nenzischen muß man 1) die inhärente Länge von $/a e i o u/$, 2) die inhärente Kürze von $/ä/$, 3) die positionelle Verkürzung, die besonders den Vokalen $/i u/$ in der geschlossenen oder nichtwortauslautenden zweiten Silbe eigen ist, 4) den Diphthong- oder onomatopoetischen Ursprung phonetisch überlanger Vokale, die eine spezielle Reihe langer Vokalphoneme repräsentieren können, unterscheiden.

Juha Janhunen («Problems of Nenets Phonology») meint, daß bei der Differenzierung der Einheiten der tundra-nenzischen Oberflächenstruktur keine ernsthaften Probleme auftreten. Nach Janhunen gibt es im Tundra-Nenzischen 32 Konsonantenphoneme (dabei erwähnt er zusätzlich das dialektale, sich von $/d/$ unterscheidende Phonem $/\delta/$), von denen $/\mathbb{R} g \acute{g} z \acute{z}/$ erstmalig vorgestellt wurden. Die Betrachtung von $/\mathbb{R} \acute{g}/$ als Phoneme scheint vollkommen von der Sandhi-Interpretation